

Ксения
Сальникова

Они никогда не спят

12+

Ксения Сальникова

Они никогда не спят

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36592851

SelfPub; 2018

Аннотация

Помните, как, дожидаясь наступления ночи, мы выключали свет, включали фонарик и рассказывали друг другу страшилки, которые всегда начинались со слов: "В одном черном-черном городе..." Это маленькая история для маленького ребенка, что сидит внутри каждого усталого взрослого. История о мальчике и крохотных хрустальных шариках, о жутких существах, что живут по ту сторону реальности, о страшном месте, где царит вечная ночь. Но все же она скорее о любви и отваге. Забирайтесь под одеяло и включайте фонарик, потому что в одном черном-черном городе...

Содержание

Они никогда не спят	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В оформлении обложки использована фотография с <https://www.pexels.com/photo/backlit-dark-dawn-environment-289367/>

Они никогда не спят

Дети – проводники, двери между миром нашим и миром, о котором мы практически ничего не знаем. Вы никогда не задумывались, почему одни вырастают великими хирургами, спасая тысячи жизней, а другие – маньяками, убивающими свою жертву столь изощренно, что слабонервные падают в обморок? Каждый из нас, когда-то давно, начал свою осознанную жизнедеятельность с войны – беспощадной, беспринципной, каждая из сторон которой имеет лишь нацеленное на успех, превосходящее перед всем, желание победить. Каждая победа – это плюс один подпитывающий их сторону человек. Живой, ходячий сгусток энергии, потенциальной, а иногда и действующей, силы. Многие не помнят, что это было с ними, потому как итогом всякой войны является победа одной из сторон, после чего человеческое сознание каменеет. Дверь закрывается, наглухо замуровывается кирпичом, если хотите, и перестает воспринимать тот мир, в котором происходили баталии, схватки за его душу, потому что его тело и разум безоговорочно становятся достоянием одной из сторон. В тот момент, когда гаснет последняя вспышка салюта победившей стороны, а душа человека занимает свою сторону, в нашем мире ребенок произносит свое первое слово. Первое слово – это своего рода подпись. Произнося его, мы даем свое согласие, подписыва-

ем бессрочный договор, который навсегда закрепляет нас на одной из сторон. Неважно, каким – длинным или коротким – оно будет, потому как произносит его не тело, но душа, принося присягу одной из сторон. Но те, кто не сказал свое первое слово до трех лет, кто помнят эти сражения, те, кто не принял ничью сторону, кто остался в нейтралитете, тот стал воином – стражником. Человеком, способным слышать голоса по ту сторону, видеть силуэты бесстрашных воинов, чувствовать запахи победы и поражения. Способные, и тем самым обязанные защищать мир наш от мира потустороннего, потому как материя тоньше, чем кажется, и двери, пусть даже кажущиеся наглухо закрытыми, открываются, потому как, кроме ключа, есть еще и лом, против которого, как известно прием один. Такие люди, как я. Рад представиться, я – Данил, и это – моя история.

– Подожди немного, мне еще пять минут, и я собрана, – послышался мамин крик из соседней комнаты.

– Я уже четыре раза это слышал, – отозвался отец, закрывая дверцу холодильника и положив в рот относительно немаленький кусок «докторской». – Пять на четыре, сколько будет? – спросил он почти шепотом, заговорщически подмигивая мне.

– Двадцать, – ответил я, на секунду замешкавшись, вспоминая таблицу.

– Молодец. Теперь ты, когда вырастешь и женишься, смо-

жешь четко определять, на сколько именно вы опаздываете. Тренируй знание таблицы умножения, это, пожалуй, одна из немногих вещей, которая действительно нужна в реальной жизни, – он засмеялся, и от его улыбки мне стало тепло. Мы продолжали дружно хихикать, когда на кухню вошла мама, на ходу застегивая сережку.

– О чем сплетничаем, мальчики? – улыбаясь, спросила она, глядя то на папу, то на меня.

– Повторяем таблицу умножения, – сказал отец, и, глядя на меня, снова хихикнул. Смешок вырвался из меня и покатился по полу кухни. Слегка позванивая серебряными колокольчиками, он прокатился мимо папиных ног и, ударившись о стенку, замер в углу под кухонным гарнитуром. Я сидел на стуле в углу кухни, уставившись на него. Краем уха я слышал, как мама, шутя, выговаривает папе за то, что тот, якобы, учит меня всяким гадостям, а я все не мог оторваться от него. Маленький прозрачный шарик размером с горошину, слегка поблескивающий перламутром. Даже спустя почти два года я все еще не мог привыкнуть. Естественно, ни мама, ни папа не могут его увидеть. Я это знаю, потому что однажды показывал им его. Они ничего не увидели, притворившись, что играют со мной в игру, вроде таких, как «магазин» с невидимыми товарами, или «кухня» с воображаемыми продуктами, даже не понимая, что тогда шестилетний мальчик, протягивая им ладошку, показывал вполне существующую вещь, которая была безумно ценной в другом из-

мерении. Это сейчас я об этом знаю, но тогда, маленький и еще практически ничего не соображающий шестилетний мальчишка искренне не понимал, почему он один видит то, что у него в руке, пытался доказать, что он не играет в вымышленную игру. Теперь я никому ничего не показываю, и не пытаюсь объяснить.

Обо мне говорят – аутизм, хотя это неправильно. Родители выясняли, проводили психологические тесты, в том числе на уровень интеллекта, водили меня к психологам. В результате выяснилось, что я – обычный ребенок, плохо идущий на контакт, неохотно выглядывающий из своего внутреннего мира, но вполне заурядный, по своим умственным способностям, шестилетний мальчик. До того момента, как я пошел в школу, родители достаточно часто бывали со мной у врачей, и, признаться честно, повод волноваться у них был – я не разговаривал. Ни одного членораздельного слова, только звуки, крики, иногда плач (плакал я в детстве очень мало), что наталкивало их на мысль о том, что ребенок родился немым. Педиатры в один голос утверждали, что речь и умственное развитие идет рука об руку, и раз ребенок не разговаривает, значит, соответственно, и в развитии значительно отстает. Каково же было их удивление, когда, пойдя в первый класс, я выдал на-гора весь словарный запас, который имел. Мама плакала от счастья, папа облегченно вздыхал, а врачи, пожимая плечами и обзывая меня то «чудом», то «нонсенсом», поочередно отправляли нас домой, желая удачи. На

том вопросы о моем развитии и психологическом состоянии закончились. И только один я знал причину моей молчаливости и «нежелания идти на контакт со своими сверстниками». Мне было достаточно одной единственной истории с маленьким перламутровым шариком, чтобы понять, что ни один психолог со своими бесконечно длинными и не менее бесконечно бесполезными тестами, не в силах узнать то, что знаю и помню я. Этот секрет, вместе с хрустальным шариком с перламутровым отливом, ушел туда, откуда взялся. Из «того» измерения...

Я задумчиво смотрел в угол, в котором лежал мой «хохотунчик», как называла меня мама, когда мы с папой начинали скакать по дому. Только с ним я был обычным мальчишкой, с удовольствием бегающим по комнатам и хохочущим от восторга, что, в свою очередь, давало им повод отбросить суровые мысли о моих, возможных расстройствах психики. Им было проще думать, что я просто не в меру скромный и до крайности скрытный мальчишка, предпочитающий общению со сверстниками вечер с книжкой. Ну, пусть будет так. Не поймите меня неправильно, я вовсе не думаю, что родители не любят меня, раз пытаются найти для себя более легкие решения в понимании меня, просто бесконечные врачи и мое «чудотворное» излечение в совокупности дали эффект «хорошо-что-самое-страшное-не-случилось», и все вздохнули с облегчением. Я нисколько не сомневался, что мои родители, особенно отец, любят меня. Просто так уж по-

лучилось, что мне не требовалось для этого доказательств, даже когда я был очень маленьким, и даже с появлением в нашей семье Алинки, моя вера в их любовь не пошатнулась, несмотря на предрассудки и мифы о менее любимом и всеми забытом старшем сыне. Я всегда был «обособленным государством», со временем они просто научились это понимать.

Сейчас, сидя в своем любимом углу, между краем стола и стеной с большим окном, выходящим во двор, с книжкой на коленях, я перелистывал мысли и воспоминания, как книжные страницы, краем уха слушая, но абсолютно не вслушиваясь в шуточные баталии моих родителей. Я увидел, как еще один шарик, правда чуть меньше и с отливом немного другого цвета, с невероятной легкостью и колокольчиковым перезвоном покатился от мамы по кафелю в направлении, противоположном первому. Он остановился рядом с дальней ножкой стола, той, что ближе к стене, и неподвижно замер там, переливаясь легким перламутром голубоватого цвета. Помню, как подумал, что они оба сейчас кстати, потому как впереди предстоял целый вечер с семи до одиннадцати наедине с пустым домом и... Алинкой, спокойно спящей на втором этаже в своей спальне. На тот момент мне было восемь лет.

По телевизору шла какая-то передача из серии «очевидное – невероятное», на тему сверхспособностей человека. Передача только началось, а это значило, что до девятичасовых новостей по «первому» оставался ровно час. Ровно со-

рок минут назад родители вышли из дома, выйдя, как и сказал папа, на двадцать минут позже намеченного. Честно говоря, и эти двадцать минут для меня – неслыханной щедрости подарок, так как, оставшись один (не считая годовалой Алинки) я считал каждую минуту.

Я устроился поудобнее на большом, мягком диване, стоящем посередине нашего зала спинкой к кухне, над входом в которую нависала лестница на второй этаж. Дом у нас не самый большой, но и на отсутствие места жаловаться не приходилось. На кухне рядом с настенным телефоном висел список «горячих» номеров, куда мне следовало звонить в случае «если что случиться», куда, помимо стандартного набора скорой, милиции и пожарных, входили домашние и сотовые номера моих бесконечных родственников по маминной и папиной линии (у обеих семьи были большими). На вершине этого, впечатляющего своей длинной списка, красовались, обведенные красным маркером, сотовые телефоны папы и мамы. Помимо всего прочего, каждый час нам звонила (а иногда и заходила) соседка из дома напротив, и все это, не считая периодических звонков мамы и папы непосредственно. Контроль тотальный – сказал бы я, если бы на тот момент знал это умное слово, но тогда даже эти меры предосторожности не спасали меня от липкого, крадущегося ко мне из всех углов страха. Тишина, пронзительная и холодная, заглушающая даже звук телевизора, пробиралась в каждый уголок нашего дома. Звонящая и натягивающая нервы до предела.

Я знал, что сегодня они обязательно придут – не упустят такого шанса, когда маленький ребенок остается наедине с восьмилетним братом, посвященным в тайну происходящего, пусть даже отчасти готовым отразить нападение. Слишком заманчивая перспектива для древнейших существ, которые никогда не спят.

Однажды я уже вступал в схватку с ними, но тогда я легко отделался. Я был в гостях у своей тети Веры и ее мужа. Они, в отличие от нас, живут в городе (наш дом находится в пригороде, в тридцати двух километрах от города, если быть точным). У них огромная квартира, по крайней мере, по моим меркам, в северной части города, в новостройке, с красивой, пока еще не изуродованной бунтующими подростками, детской площадкой. Мы приезжали к ним в гости на выходные по случаю какого-то праздника. У тети Веры и дяди Жени старший сын на пять лет старше меня, а потому (к нашему взаимному облегчению) его не обязывали играть со мной, а вот в лице их девятимесячного Ваньки они, почему-то, видели вполне подходящую мне компанию.

– Мне кажется, им будет весело вместе. Сейчас он в том возрасте, когда просто смотреть на него и то забавно. Такие рожицы строит... – сказав это, тетя Вера состроила гримасу, от которой мы все закатились хохотом. Мне она нравится. Хорошая, добрая и всегда улыбчивая, почти как моя мама, только на три года старше и без умолку болтающая. Мы стояли рядом с детским «манежем», в котором, пытаясь забить

об пол до смерти плюшевого медведя, сидел на толстом детском матрасе тот самый Ванька. Он улыбался, глядя на нас – меня, с моими мамой и папой (Алинка появится где-то через год после этого), дядю Женю и саму тетю Веру. Их старший сын гулял во дворе с друзьями. После пары смешных рассказов из детского прошлого, мама заключительно сказала:

– Знаешь, Данила не очень любит маленьких детей. Сомневаюсь, что он будет сидеть с Ванькой.

Эту фразу в свой адрес я слышал уже не впервые, и каждый раз она заставляла меня испытывать некоторое чувство неловкости, будто я не делал того, чего от меня все ждали. Особенно если это встречалось искренним удивлением, я вообще не мог оторвать глаза от пола, как и в этот раз. Мой отец прижал меня к себе, и я поднял на него свой виноватый взгляд. Он улыбнулся и подмигнул мне, хитрой заговорщицкой улыбкой из серии «да не слушай ты нас, никому ты не обязан их любить». С меня словно свалился грузовик камней, и я сдавленно хихикнул. Сквозь веселый смех взрослых я услышал уже знакомый мне тогда, колокольчиковый перезвон, и, обернувшись, увидел, как укатился к стене мой «хохотунчик». Я, как замороженный, смотрел на прозрачную жемчужину, пока не услышал папин голос, обращенный ко мне:

– Даня, ты чего там присмотрел? – я взглянул на него в надежде, что он сможет увидеть то, что вижу я, но его блуждающий вдоль стены взгляд явно говорил о том, что он ни-

чего не замечает. Я отрицательно помахал головой, и, отвернувшись, перевел свой взгляд на карапуза в манеже. Вот тут я понял, что не схожу с ума. Прекратив атаковать бедного медведя, Ваня заворожено смотрел на шарик. Мне не нужно было оглядываться назад, чтобы понять, что привлекло его внимание. На сотую долю секунды его взгляд стал абсолютно осмысленным, прикованным к перламутровому шарик, и это было чертовски страшно. Там, из глубины его голубых глаз, в наш мир смотрело что-то иное. Мои ладошки покрылись холодным потом. Секунда – и его взгляд снова беспечно елозит по комнате в поисках чего-то яркого и привлекательного. Я, словно замороженный, смотрел на него, не в силах принять то, что увидел, за правду, а не буйство моей фантазии. Спустя несколько минут мы вышли из комнаты, оставив двери детской открытыми. Уходя, я смотрел на ребенка еще раз, силясь увидеть этот жуткий взгляд, чтобы самому себе доказать, что не померещилось, но малыш беззаботно размахивал ручками и ножками, смотря куда-то в окно. Оторвавшись от взрослых и улучив момент, когда ребенок не смотрел на меня, я подошел к стене и подобрал прозрачную жемчужину, понимая, что потом может быть поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.